Гонения на мусульман и мусульманские организации, обвиняемые в терроризме и экстремизме

Сентябрь 2010

В продолжение исследования «Злоупотребление в ходе борьбы с терроризмом и экстремизмом. Российское общество под контролем», опубликованного в июле 2009 года, Международная Федерация за права человека (FIDH) и Институт прав человека (Россия) представляют информацию по развитию ряда тенденций и отдельных дел, описанных в вышеупомянутом докладе.[1]

Общий правовой контекст

В течение года, прошедшего после публикации доклада, кампания фабрикаций уголовных дел о так называемом «исламском терроризме» и «исламском экстремизме» не только не прекратилась, но наоборот – получила импульсы к дальнейшему развитию. В первую очередь, это выразилось в расширении числа преследуемых организаций и течений – как в России, так и в государствах-союзниках России по *Шанхайской организации сотрудничества* (ШОС).

Так, 7 мая 2009 г. Верховный Суд РФ вынес решение о признании экстремистской организации мусульманских миссионеров «Таблиги джамаат»[2], которую радикальные исламисты критикуют за аполитичность[3]. Стоит отметить, что незадолго до принятия решения о запрете «Таблиги

[1]Полная версия доклада доступна на веб-сайте FIDH на русском языке по адресу http://fidh.org/Rossijskoe-obschestvo-pod-kontrolem , на аглийском языке по адресу http://fidh.org/Russian-society-under-control-Abusesin-the-fight и на французском языке по адресу http://fidh.org/Une-societe-sous-controle-du-detournement-de-la

джамаат» в прессе появились сообщения о внесении ее уже и в соответствующий список Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)[4].

Интересен в этом смысле факт наложения запрета на целое религиозное течение – «салафийю»[5], – правда пока не в России, а в Таджикистане[6], то есть в одной из стран-участниц ШОС, которая, таким образом, связана региональными обязательствами, заявленными в декларации ШОС. Эксперты признают наличие среди салафитов не только радикального крыла, но и умеренных[7]; тем не менее, спецслужбы расценивают их всех как угрозу общественной и государственной безопасности – независимо от того, относятся ли такие верующие к каким-либо радикальным группировкам, или просто совершают религиозные обряды в соответствии со своими, пусть и вполне фундаменталистскими, убеждениями. Показательно при этом, что внесение весной 2009 г. в список террористических и экстремистских организаций в рамках ОДКБ организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба»[8], ранее называвшейся «Салафистская группа проповеди и джихада», было воспринято СМИ как запрет всего течения «салафийа» в странах-участницах ОДКБ. И не станет неожиданностью, если эта якобы журналистская неточность в обозримом будущем реализуется на практике – как следствие упомянутого в докладе ШОСовского принципа взаимного признания терроризмом и экстремизмом всего, что расценивают в таком качестве государства–участники ШОС, почти все из которых (кроме Китая) одновременно являются и членами ОДКБ.

---

[2] http://www.rian.ru/society/20090731/179329940.html

[3] http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-624.html

[4] http://nvo.ng.ru/wars/2009-03-20/1_bandits.html , http://news.nur.kz/122981.html

[5] В постсоветской Центральной Азии, а затем и в России (со времен похода Ш.Басаева на Дагестан в 1999 г.) всех подряд салафитов стали называть «ваххабитами». По мнению одного из крупнейших российских исламоведов А.Малашенко, ваххабизм – это, всего лишь, одно из частных проявлений салафитской традиции.

[6] http://www.agentura.ru/dossier/tagik/?id=1231490640

[7] Например, А.Малашенко: *«Все же уместнее различать две "фракции" салафитов- умеренную и радикальную»* (http://www.kursach.com/biblio/0002003/401.htm); М.Рощин: *«… бывают умеренные салафиты, которые не настаивают на вооруженном пути, но также есть и другие, которые настаивают»* (http://rus.azattyq.org/content/salafis_salafit/1496753.html).

[8] http://nvo.ng.ru/wars/2009-03-20/1_bandits.html

Как и прежде, полные тексты решений о запрете организаций в связи с признанием их деятельности экстремистской или террористической официально не публиковались и доступ к ним оставался крайне затрудненным, что резко ограничивало возможности их обжалования в установленном законом порядке. Вместе с тем, отсутствие официальных публикаций оказалось не единственным таким ограничением.

Так, например, показательна история попыток обжалования решения о запрете «Таблиги Джамаат». Сначала оно было обжаловано в кассационном порядке, однако суд не принял жалобу к рассмотрению и вернул ее заявителю. Затем Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении частной жалобы на этот возврат. Адвокат из г. Ижевска (Республика Удмуртия) Рустем Валиуллин прокомментировал ситуацию следующим образом[9]:

«Представитель заявителя отметил, что законодательством возврат жалобы судом первой инстанции в связи с непредставлением доказательств того, что заявитель обладает правом кассационного обжалования, не предусмотрен, более того, этот вопрос должен решаться в условиях открытого и гласного судебного разбирательства. Верховный Суд России ограничился рациональным доводом, по его мнению, что таким образом все члены организации «Таблиги Джамаат» будут жаловаться в Верховный суд, поэтому первому заявителю следует отказать в принятии жалобы. Кроме того, несмотря на доказательства причастности заявителя к «Таблиги Джамаат», представленных представителем заявителя, суд отметил, что раз его организация не имеет своего устава, государственной регистрации, не уполномочила на защиту ее интересов, следовательно, он не имеет права на обжалование. Отметим, что при такой постановке вопроса становится непонятным, а как тогда эту организацию запретили. <…> На данный момент решение о запрете деятельности «Таблиги Джамаат» вступило в силу, все средства правовой защиты в Российской Федерации исчерпаны».

[9] http://muslims-org.blogspot.com/2009/08/blog-post_1880.html

В июне 2010 г. Европейский Суд коммуницировал правительству РФ жалобы двух заявителей, ранее осужденных в России по обвинениям в причастности к организации «Хизб ут-Тахрир» – Юсупа Касымахунова[10] и Марселя Алибаева[11]. Государству-ответчику, среди прочего, предложено ответить и на вопрос о том, было ли решение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 официально опубликовано в момент, когда заявитель был осужден? Если же официальной публикации не было, то может ли закон, на основании которого заявитель был признан виновным, считаться достаточно доступным и предсказуемым в применении, как того требует статья 7 Конвенции? Если в дальнейшем Европейский Суд установит, что отсутствие официальных публикаций решений, ограничивающих права и свободы граждан, является нарушением Конвенции, властям придется опубликовать вынесенные ранее решения и впредь отказаться от практики обнародования только резолютивной их части.

Правоприменительная практика

1. Дела о «Хизб ут-Тахрир»

28 октября 2009 г. Верховный суд Татарстана вынес приговор по делу «о подготовке антиконституционного переворота» лицами, обвинявшимися в принадлежности к «Хизб ут-Тахрир» (этому делу в докладе было уделено большое внимание – см. §2.2 раздела III). Все подсудимые были признаны виновными в подготовке действий, направленных на насильственный захват власти, и в вовлечении других лиц в совершение этого преступления. Кроме того, большинство подсудимых признаны виновными в организации деятельности запрещенной партии «Хизб ут-Тахрир», а двое из них – также в

[10] http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=2&portal=hbkm&action=html&highlight=kasymakhunov&sessionid=56990276&skin=hudoc-cc-en
[11] http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=alibayev&sessionid=56990298&skin=hudoc-cc-en

вовлечении в нее несовершеннолетних. В результате, 7 подсудимых были приговорены к лишению свободы на сроки от 4 до 8 лет, четверо получили условные сроки и один, ранее признанный невменяемым, направлен на принудительное лечение. 25 мая 2010 г. Верховный Суд РФ отклонил кассационные жалобы на приговор, после чего он вступил в законную силу.

В период между вынесением приговора и рассмотрением дела в кассационной инстанции Конституционный Суд РФ рассмотрел жалобы ряда лиц, в т.ч., Файзулина и Хасанова, осужденных по данному делу, на внесенные в УПК РФ изменения, в соответствии с которыми дела о преступлениях, предусмотренных статьями 205 (террористический акт), 278 (насильственный захват власти или насильственное удержание власти) и 279 (вооруженный мятеж) УК РФ были исключены из юрисдикции суда присяжных, и признал эти изменения не противоречащими Конституции. Таким образом, КС РФ подтвердил правомерность лишения лиц, обвиняемых в терроризме, права предстать перед судом присяжных.

Возвращаясь к представленному в докладе описанию хода процесса – в частности, того этапа, на котором дело было выведено из-под юрисдикции суда присяжных, – еще раз отметим, что данная правовая норма значительно расширила возможности следственных органов по фабрикации обвинений и фальсификации доказательств.

Это дело, возможно, будет иметь серьезные последствия, т.к. в нем впервые, по крайней мере, в России[12] судом «установлен факт»[13] причастности членов организации «Хизб ут-Тахрир» к подготовке насильственных действий. При условии сохранении прежних тенденций в правоприменении, в дальнейшем суды смогут ссылаться на вынесенный ВС Татарстана и вступивший в силу приговор как на доказательство насильственного и даже террористического характера данной организации, не вдаваясь в оценку степени его обоснованности.

---

[12] По данным, имеющимся в распоряжении авторов – вообще впервые за время существования «Хизб ут-Тахрир».

[13] Многочисленные признаки фальсификации доказательств этого обвинения не позволяют употреблять без кавычек выражение «установлен факт».

В июне 2010 г. в Челябинске был вынесен приговор еще по одному делу о «Хизб ут-Тахрир», которому также пытались предать прецедентный характер. Пять человек, кроме участия в деятельности этой запрещенной организации, обвинялись в подготовке теракта и незаконном приобретении, перевозке или ношении организованной группой боеприпасов – гранат, которые, по словам задержанных, были подброшены троим из них при аресте. Однако в суде не были доказаны ни подготовка теракта, ни приобретение боеприпасов организованной группой, и подсудимые получили от 1,5 до 4 лет лишения свободы в колонии-поселении. Таким образом, челябинское дело, в отличие от казанского, не приобрело прецедентного значения.

Кроме рассмотренных выше дел, с середины 2009 г. до середины 2010 г. были осуждены не менее 4 человек, обвинявшихся в причастности к «Хизб ут-Тахрир», причем, среди них – 2 девушки, выпускницы казанского ВУЗа, осужденные условно. Это третий в России случай привлечения женщин к уголовной ответственности по подобным обвинениям и второй – когда дело закончилось обвинительным приговором.[14]

И, наконец, среди возбужденных за рассматриваемый период уголовных дел о «Хизб ут-Тахрир» следует особо выделить обвинение, предъявленное в марте 2010 г. Булату Гаянову, отбывающему наказание по предыдущему приговору в колонии г. Барнаула (7-летний срок его заключения истекает в декабре 2011 г.).

По версии следователя ФСБ, Булат распространял литературу запрещенной организации среди других заключенных колонии. На запрос правозащитной организации в местное управление ФСБ о том, какую именно запрещенную литературу он распространял и каким образом она могла

[14] В ноябре 2004 г. по первому в России подобному делу была осуждена Анна Дроздовская (в то время – жена Юсупа Касымахунова, чье дело в ЕСПЧ сейчас коммуницировано). В 2005 г. в г. Азнакаево (Татарстан) было возбуждено дело об участии в «Хизб ут-Тахрир» в отношении еще одной молодой женщины, но вскоре ее уголовное преследование прекратили.

попасть к человеку, находящемуся в заключении и получающему корреспонденцию только после проверки ее администрацией колонии, внятного ответа не последовало.

Между тем, по данным нашего мониторинга[15], в рамках рассматриваемой кампании это первый случай так называемой «раскрутки», т.е. предъявления осужденному нового обвинения, аналогичного предыдущему, по которому срок заключения подходит к концу.

2. Уголовное преследование последователей Саида Нурси

С конца 2009 г. были возбуждены, по крайней мере, 3 уголовных дела против мусульман, изучающих труды Саида Нурси. По первому из них в декабре 2009 г. в Махачкале (Республика Дагестан) к уголовной ответственности по ст. 282-2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации либо участие в ней) были привлечены 3 человека. Второе было возбуждено в феврале 2010 г. в Красноярске в отношении 4 жителей города. И в том, и в другом случае обвиняемые и свидетели направляли в правозащитные организации заявления о том, что следователи ФСБ оказывали на них давление, а некоторых избивали, чтобы заставить признать членство в запрещенной организации «Нурджулар», о самом существовании которой им ничего неизвестно. По третьему делу, возбужденному по той же статье в июне 2010 г. в Нижнем Новгороде, был арестован и заключен под стражу гражданин Азербайджана. Его обвинили в том, что он размещал на интернет-сайте, посвященном трудам Саида Нурси, запрещенные произведения этого богослова. В августе 2010 он был приговорен к 1 году лишения свободы условно по ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства)[16]. К моменту составления настоящего обзора следственные действия по красноярскому делу продолжаются, а сведениями об исходе дагестанского дела авторы пока не располагают.

[15] Безусловно, эти данные не исчерпывающие.
[16] http://www.niann.ru/?id=376207&template=yandex

Таким образом, как и предполагалось, за необоснованным запретом литературы (см. §3 раздела III доклада), против которого активно возражали и духовные, и светские специалисты, последовало уголовное преследование ее читателей. Вполне возможно, что в случае вынесения обвинительных приговоров осужденные воспользуются правом обратиться в Европейский Суд по правам человека с жалобами на нарушение гарантированных Конвенцией прав и свобод.

3. Репрессии против проповедников «Таблиги Джамаат»

Аналогичным образом, после упомянутого выше признания «Таблиги Джамаат» экстремистской организацией, ее члены стали объектом уголовного преследования. В марте 2010 г. в Чите было возбуждено уголовное дело по ч.1 ст. 282-2 УК РФ против жителя города Нургазы Кыдыралиева, который, по версии следствия, *«стал приверженцем радикального течения ислама и вступил в «Таблиги Джамаат» в 2004–2005 годах, проживая в Киргизии. Переехав в Читу, он, зная о запрете организации в России, умышленно организовал в Забайкалье работу объединения, которая распространялась и на Иркутскую область»*[17]. Каких-либо насильственных действий либо участия в их подготовке обвиняемому, как обычно в делах такого рода, даже не инкриминируется - что, впрочем, не мешает СМИ проводить обработку общественного мнения, увязывая деятельность этой организации аполитичных проповедников с террористическими группировками вплоть до «Аль-Каиды»[18]. В августе 2010 Кыдыралиеву был вынесен приговор, по которому он был осужден на 1,5 года лишения свободы условно с испытательным сроком в 1,5 года[19].

Характерно, что возбуждение уголовного дела о «Таблиги Джамаат» в Чите сопровождалось массовыми противоправными действиями

[17] http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/07/12/n_1519307.shtml
[18] http://www.chita.ru/news/23558/
[19] http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=36973

сотрудников силовых структур в отношении прихожан местной мечети. В заключении Забайкальского правозащитного центра[20] по результатам общественного расследования этих событий, проведенного совместно с адвокатом из Удмуртии Рустемом Валиуллиным, перечислены многочисленные нарушения прав верующих. В сообщении пресс-службы Центра, озаглавленном «Зачистки в Чите - искусственная дестабилизация обстановки»[21], указано, что *«при задержании к прихожанам мечети применялись приемы, призванные сломить физическое и моральное сопротивление. Людей подвергали издевательствам и грубому обращению, оскорбляли человеческое достоинство - исключительно по признакам национальной и религиозной принадлежности. По словам прихожан, свои действия правоохранители объясняли тем, что ненавидят приехавших в Россию. Все задержания производились сотрудниками без опознавательных знаков и в масках, что исключало их последующую идентификацию в случае подачи жалоб в прокуратуру».*

Вместо борьбы с терроризмом – продолжение мистификаций

Непрекращающиеся теракты на Северном Кавказе, а также подрыв «Невского экспресса» в ноябре 2009 г. и взрывы в московском метро в марте 2010 г. постоянно выявляют как крайне низкую эффективность работы спецслужб по предотвращению актов терроризма, так и имитационный характер антитеррористических мероприятий.

Один из наиболее характерных примеров последнего – деятельность силовиков Татарстана, которые после мартовских взрывов в метро вызывали родственников лиц, осужденных по упомянутому выше казанскому делу о «Хизб ут-Тахрир», для допросов об их местонахождении до и после

[20] http://www.lawfulstate.ru/index.php/zashitaprav/2010-03-28-13-26-55/zachistka-chita/the-conclusion-about-operation-in-chita.html
[21] http://www.lawfulstate.ru/index.php/news/270-zachistka-chita.html

терактов. Если учесть, что близкие осужденных в течение 3,5 лет, начиная с возбуждения этого уголовного дела и вплоть до последнего времени не прекращали замечать наблюдение за собой со стороны сотрудников спецслужб, то нетрудно понять, что правоохранительные органы и без дополнительных допросов были хорошо осведомлены обо всех их перемещениях. Так что, фактическим результатом проведенных допросов могли стать только отчеты о принятии мифических «антитеррористических» мер после реальной трагедии, унесшей десятки жизней.

FIDH и Институт по правам человека безусловно осуждают любую террористическую деятельность. Ответственные за них лица должны предстать перед правосудием, при строжайшем соблюдении универсальных норм защиты прав человека. Но несмотря на то, что борьба с терроризмом оправдана и необходима, внимательный анализ региональных и национальных механизмов показывает, насколько такая борьба может быть использована для ущемления прав и основных свобод населения.